

Журнал Пионер

№12 за 1987 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №12 за 1987 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44500-9

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44500-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Арсений РУТЬКО

ПАШКИНЫ КОЛОКОЛА

ПОВЕСТЬ
О ПАВЛИКЕ
АНДРЕЕВЕ

В канун второго январского воскресенья, заглянув в «красную», Пашка увидел необычную картину: трое студентов и Люсик, стоя на коленях, писали кистями на фанерках и полотнищах огромные печатные буквы. Он сразу догадался, что к чему. Михельсоновцы тоже решили завтра бастовать, почтить память рабочих, расстрелянных девятого января перед Зимним дворцом. Люсик говорила об этом на кружке.

— Значит, и вы пойдете, Люсик-джан? — спросил Пашка девушку. — Вместе с рабочими?

— А как же, Павлик?! Но вот беда! Красками не успели запастись, а написать хочется побольше. Лавки закрыты. Просто не придумаем, где достать!

— Рабочему классу привет! — шутливо салютовал кистью Алеша Столяров.

Пашке вспомнился флигель во дворе, откуда Ершиновы вытаскивали царский портрет. У Зеркалова, конечно, есть всякие краски, а именно у него Гдалька иногда подрабатывает, грунтуя холсты.

— Павлик, миленький, выручай! — воскликнула Люсик. — Найди Гдальку, я дам денег, сбегайте к художнику. И возвращайся поскорее, время не ждет! Нужно, чтобы к утру флаги и лозунги просохли, а то краска размажется.

Зеркалова мальчишки отыскивали в ресторане Полякова, и он даже обрадовался трешнице: не хватало на пиво. А где найти краски, Гдалька знал: был в мастерской своим человеком.

Через полчаса Пашка явился в столовку с бан-

ками красок. Обрадованная Люсик попросила его помочь замазывать кармином начерченные углем на холсте силуэты букв. И трудно передать восторг, с каким мальчишка схватился за кисть и опустился на колени перед разостланной холстиной.

Домой вернулся за полночь, но мамка не спала. Ткнулся губами в щеку — за ласку она все прощает!

— Ты уж извини, мам! Завтра же демонстрация!

— Господи! — вздохнула мать. — Хотя и мы, голутвинские, собираемся... А ты... не ходил бы, сыночек! Вдруг стрелять станут.

— Да ты что, мам?! — возмутился Пашка. — Все кузнецы пойдут, а я, как крыса, в нору, да?!

— Боюсь за тебя, сынонька! Без крови-то не обойдется!

На следующее утро на Калужскую и Серпуховскую площади стали собираться рабочие. Пашка убежал из дома пораньше. Андреич не перечил, смотрел с гордостью.

— Однако не шибко ершишь, Павел! — наказал он. — Про мать помни!

Улицы полны людьми. Во дворах полицейского участка и пожарки покуривают юнкера и жандармы. Звякают о камень приклады винтовок, казачье в заломленных папах гарцует на сытых жеребцах. У этих вояк коней на фронт не позабирали, им здесь воевать. Помнишь, Арбуз, Люсик вчера на прощание сказала: «И здесь, Гаврош, тоже фронт!»

Калужская площадь запружена толпами, словно в ярмарочный день. Но все спокойны. Накану-

Окончание. Начало в № 11.

не строго предупреждали: никакого оружия, не дать повода к провокациям! С волнением Пашка перечитывал красные слова на белых полотнищах. Вон те «Проклятие убийцам!» как раз он и красил! Январский ветерок развеивает их над людьми. На душе — будто поют весенние птицы — весело, празднично.

На Серпуховской каланче колокол пробил десять. Повинуясь чьей-то команде, рабочие выстраивались в шеренги, в колонны. Интересно, куда же двинут? Неужто в самый центр, к Кремлю?

Пашка отыскивал глазами своих, потом голутвинских и среди них — мамку. А вон и студенты, стоят особой кучкой, но рядом — рабочие. Здорово!

Сильный молодой тенор высоко вскинул первые слова песни:

Есть на Волге утес, диким мохом оброс...

Тысячи голосов подхватили, заиграли гармошки. Что ж, такую можно — не запрещенная, народная!

Демонстрация тронулась к мосту через Москву-реку. Но внезапно появившиеся жандармы, солдаты и юнкера не дали рабочим пройти и четверти версты. Пешие солдаты выстроились поперек улицы, ошестинившись штыками. Казачьи кони рысью выскакивали из переулков.

Песня и гармошки стихли. Колонна пошла медленнее, но Пашке она все равно представлялась могучим потоком, который невозможно остано-

Рисунки А. БОРИСОВА.

вить. Привстав на цыпочки, он разглядел впереди вздыбленную лошадь, ее оскаленные зубы. Над фуражкой офицера сверкнула сабля.

Тишина. Только скрип снега, гомон воробьев и гульканье голубей на крышах. Даже шелест на ветру ближнего к Пашке флага слышен. Но вот в стеклянной тишине, ломая ее,— резкий, требовательный приказ:

— Ра-азойди-ись! Не-мед-лен-но!

Передние замедлили шаг, но все же двигались прямо на штыки. Скрипел снег. Чирикали воробы. И снова команда, грубая и злобная:

— К пле-ечу!

Толпа двигалась медленно, но неуклонно. Скрипел снег. Ворковали голуби.

— Солдатики! — тонкий женский голос. — Мы же безружные! Неужто...

Звонкий тенор, только что вскинувший песню:

— Товарищи! Они не посмеют!

Но тут же прогремел залп. И хотя никто не упал, — видно, стреляли в воздух, — толпа шаркнулась в стороны. Конные казаки давили людей лошадьми, хлестали нагайками, били ножами шашек.

Пашка пытался пробиться туда, где увидел мамку, его сбили с ног. Вскочил, закричал отчаянно:

— Мамка-а-а!

Казак, наклонившись с седла, хлестнул Пашку плетью по лицу. Воя от боли и ненависти, мальчишка упал, пополз к забору. Сквозь текущую со лба кровь видел, как кого-то тащили за ноги, лицом по камням. Рядом с избитым волоклась гармошка, всхлипывая, словно живая...

А часом позже по той же Большой Серпуховской волной катилась другая толпа, несла портреты царя и иконы. Блестели позолотой и серебром хоругви. Впереди, сверкая ризами, — отец Серафим и еще два священника. Ни полиция, ни казаки не мешали шествию.

— Боже, царя храни! Светлый, державный, царствуй на славу...

Пашка всматривался в краснощекие лица, в дорогие полушубки и шапки, всматривался и чувствовал, как жгучая боль бессильной ненависти распирает грудь.

Гляди, гляди внимательно, Пашка! Ведь это же Ершинов и его старший сынок торжественно несут тот самый портрет! Ну да! И его создатель, Зеркалов, гордо задрав голову, вышагивает рядом. И этот заодно с ними!

Недалеко от института Пашка столкнулся с Люсик и ее неизменным спутником Алешей Столяровым.

— Н-да, дела! — буркнул Алеша, глянув в разбитое лицо мальчишки.

Люсик обняла Пашку со слезами на глазах.

— Павлик! Миленький!

— А вы? — во весь голос, с болью закричал он. — Зачем допускаете? Вас же много!

— Погоди, Павел! — серьезно и твердо отозвался Столяров. — Не наш час!

И это строгое «Павел» непонятно успокоило Пашку. Забежал на минутку домой и облегченно вздохнул: мамка и батя живы-здоровы. И снова выскочил. В окно лавки увидел, как Ершинов и сынки устанавливали на место царский портрет. И тут дерзкая мысль осенила Пашку. Бросился к дому Козликовых, где собиралась по вечерам дружина.

— Братва! Взрослые пусть как хотят. А мы... Где бы ведро дегтя достать?

Витка Козликов посмотрел с усмешкой.

— В любом ямском подворье, в каретнике!.. Кого мазать?

— А ты, Козлик, догадливый! — засмеялся Пашка. — Ну и тащи сюда! — Помолчал, хмуро осмотрел товарищей. — Поглядел я нынче, как пузаны царев портрет несли, такая злость закипела, слов нет! Видели, как того кузнеца-запевалу с гармошкой лицом по мостовой волокли?

— Не слепые! — бросил Васятка.

Через полчаса, убедившись, что Зеркалов пьет свое пиво в ресторане Полякова, мальчишки подобрались к его флигелю. Где хранится ключ от мастерской, теперь знал и Пашка.

— Чур, братва, уговор! — предупредил перед дверью. — Мы не воришки какие, а мстить идем за всех избитых, за мамок и отцов наших, понятно?

— Не дураки! — в голос отозвались Козликов и Дунаев.

В мастерской Пашка велел Гдальке зажечь лампу, поднял над головой. Чинными рядами стояли вдоль стены и готовые, и недописанные царские портреты. И вдруг у Пашки сладко и легко дрогнуло сердце. Над неопрятной кроватью блеснуло красками что-то знакомое. Подошел ближе. Огромные, позолоченные солнцем сосны и под ними — синяя, манящая глубь, отражающая облака. То, что довелось Пашке увидеть на Брянщине, на мамкиной родине... Неужто и Зеркалов оттуда? Или жил там? И бежал босиком по ромашковому полю, и гляделся в синюю омутную глубину?.. Вот и рисовал бы такое, людям в радость, цареписец подлый!

— Ишь, сколько их тут заготовил! — перебил Пашкины раздумья Витка. — На все купечское Замоскворечье! И все красавцы, как женихи!

Гдалька мазать дегтем портреты отказался, присел у двери.

— Не, не трус я, сами знаете, — виновато шепнул он. — Ну, поймите, ребята, не могу... Он ведь когда и покормит, и рублевку даст...

— Совесть? — спросил Пашка, вспоминая слова отца. — Ну, ладно, шут с тобой! Но он же, — Пашка ткнул кистью в один из портретов, — тысячи и тысячи из рабочих губил и губит! Вспомни про то воскресенье в пятом году, как Шиповник рассказывала...

Все же Гдальку оставили в покое и принялись орудовать кистями. Вскоре на портретах красовались дегтярные усы и бороды, на каждом из портретов Пашка крупно написал поперек: «Убивец!»

Засыпая в ту ночь, со страхом думал: а если сыщики с их учеными собаками нападут на след? Что тогда? Ну, Пашке, известное дело, — каторга! Он не боится! А мамке и бате? Они же ни в чем не виноваты. Вот так и скажу, если поймут. И про дружину смолчу: один, дескать, все обделал, без никакой помощи!.. И совершенно отчетливо представил свое лицо за ржавыми прутьями комнаты свиданий, когда Люсик-джан принесет ему передачку. И заснул счастливый...

* * *

Кончилась зима тем, чего и ждали: грянула революция.

В тот февральский день Пашка привычно шуровал у горна, когда по цеху пронесся отчаянно-радостный, зовущий крик. Пашка уронил в огонь раскаленную заготовку, оглянулся. Кто-то рывками, словно дикая кошка, карабкался по лесенке подъемного крана. Переставали бухать паровые

молоты в соседнем цехе, застыли на рельсах ваго-
нетки. И из кабины подвешенного крана высунулись
чужазное лицо и две руки.

— Кончилась каторга, братцы! В Питере Нико-
лашку свергли!

Внизу уже размахивали самодельным флагом —
красной рубашкой, нацепленной на стальной прут.

Улицы Замоскворечья бурлили, словно реки
в весеннее половодье. И странно: через ворота вы-
ходили не вразброд, как обычно после смены,
а выстраивались в ряды. Пашка шагнул между
отцом и Сашей Киреевым, жалел: нет рядом Анд-
рея!

Погода — совсем весна! Стекло звенело, па-
дая с крыш, капли, белые кружева облаков пау-
тинились в мраморно-голубом небе. Пашка смо-
трел то в небо, то в восторженно-радостные лица,
вслушивался в голоса:

— Так что же, братцы? Может, следом и Ми-
хельсона, и Бромлея, и прочих коленкой под ниж-
нее место?

— Ну! Запросто шкуродеров не повалить. Куда
по России ни глянь, все кругом их собственность!
Не каждая рука к чужому тянется!

— С германцем чего? Замирение аль по-прежне-
му кровавить да погилить друг дружку? Война-то
царева была!

— А что?! Сложиться бы, ребята, деньжатами,
да выкупить у Михельсона заводище, а?! Сами
хозяева...

— Ты выкупишь! В кармане-то вошь на аркане
да блоха на цепи!

— Силой брат надо!

Шумели сотнями голосов, проклинали свои
беды-болячки, делились мечтами. И небо кружи-
лось над землей мраморно-голубое, и пели птицы.

Жалко, флагов впереди нет! Вот и врешь,
Арбузище! Вон она, красная рубаша на пруте
стали-серебрянки. И вон еще один — полуша-
лок с красными цветами какая-то девка-краса
не пожалела!

Покрывая тысячеголосый говор, раскатывает-
ся над толпой могучий бас: «Но настала пора
и проснулся народ...»

— Батя! Я на Голутвинку!

— Дело, сын! Обрадуй мамку! А там, глянь,
и Андрей вернется!

Пашка выбрался из заводских рядов, его тут
же полонила дружина. И тоже шум: как? Что?
Куда?

На ступенях церковной паперти плакала стару-
ха нищенка:

— Неужто он от нас отказался? Как же без
него?!

— Не тужи, бабуся! — крикнул Пашка. — Но-
вый будет!

— Кто новый-то? — Нищенка радостно вскину-
лась. — Царевич Лексей, да?

— Народ, бабуся!

Скорбные глазки блеснули гневом.

— У, безбожник! Вся благодать к нам через
царя...

— А много ли благодати тебе выпало, старая? —
с жалостью спросил Пашка. — Хлебца ситного до-
сыта ела ли, бабуся?

— Паш,— дернул жока за рубашу Витька. —
Глянь-ка вверх!

В проеме колокольни мельтешилась рыжая бо-
родка звонаря Исаича. Пашка раздумывал всего
секунду.

— За мной, дружина!

Ход на колокольню знали с детства. Когда зво-
нарь забывал запереть, забирались туда, любова-
лись Москвой, крали из голубиных гнезд по яйчку.
Начисто не обирали. Сейчас вскарабкались за ми-
нуту. Стоя спиной к ним, Исаич с ужасом глядел
вниз.

Пашка подхватил конец веревки главного коло-
кола.

— Эй, мастер колокольного звона! Играй пас-
хальный!

Звонарь обернулся с ошалелым лицом.

— Кем велено? По какому случаю?! До Пасхи-то
еще...

— Народом велено! Революция! В Питере царя
скинули!

— Врете, шпыни! — Потрясенный Исаич обес-
силенно сел на пол.

— Бей-трезвонь, робя!

Никогда еще Замоскворечье не слышало такого
дикого звона. Во всю силу громыхал большой ко-
локол. Повиснув на веревке, Пашка качался, пры-
гал из стороны в сторону. Исаич, сидя на полу,
вопил:

— Проклянет отец Серафим, проклянет!

— Ну, хватит, братва! Айда! Главное бы не про-
зевать! Двинули!

Но не вытерпел, глянул вниз. Вот это да! По
улицам и площадям половодьем текут человечьи
реки к центру, через мосты, а кто-то бежит и пря-
мо по льду. Краснеют лепестки знамен, серебря-
ными родниками пробивается сквозь шум музыка
гармошек. И солнышко. Ух, до чего здорово!

Мощным течением людской реки мальчишек
вынесло к Городской Думе, на площадь у Большо-
го театра. Своих Пашка увидел издали — красная
рубаша размахивала рукавами. На крыльце Думы
блестел очками важный старик в лисьей шубе.

— Час свободы пробил! — надрывался он. —
Царское правительство низложено! Тяготы власти
до созыва Учредительного берем на себя мы...

Негодующий рев толпы:

— Кто «мы»?! Вы! Самозванцы! Сами себя на-
выбирали!

— Долой войну! Восьмичасовой! Открывай
клубные лавки!

Не обращая внимания на брань и тычки, маль-
чишки добрались до кирпичной стены, влезли на
подоконные карнизы. Отсюда все видно! Над мо-
рем голов — расцвет флагов, словно маки в траве.
А на крыльце Думы уже другой, в каракуле, апо-
столюски вздымает руки:

— Биться с врагами Руси до победы — священный...

Дожий матрос плечом отталкивает оратора.

— Братишки-рабочие! Не слушайте буржуйскую брехню! Ишь, до победы, толстячок! Гражданин! В Питере политиков из «Крестов» и Петропавловки высвободили! А у вас что?! В Бутырках сотни! В участках!

И в ответ тысячеголосое:

— К тюрьмам! В Бутырки! В Арбатский арестный!

Неужто Пашка и дружина останутся в стороне? Через полчаса они видят, как железные ворота Бутырок напором тысяч выворочены прямо с петлями. Выводят арестантов, подхватывают на руки, несут, одного из них ставят на прикаченную от пивной бочку. Худой, страшный, а глаза — словно раскаленные в горне железки. Он машет худющей, как щепка, рукой. Кому? Не Пашке ли? И где же Костя Островитянов?

— Товарищи, други! — захлебывается кашлем худой. — Спасибо за досрочное... Мы знали, что... неизбежно! Но не обольщайтесь первой победой. Борьба впереди! Богачи не отдадут награбленного, попытаются перехватить вырванную у царизма власть! Не поддавайтесь на уговоры...

А, вон и Костя, у самой бочки! Пашка протикивается к нему. Горячая ладонь ласково касается лба мальчишки.

— А, Павлушка! Помолчи. Феликсу трудно говорить!

...Ночью, засыпая, Пашка перебирает обрывки, лоскутки дня... Через толпу к Косте пробиваются Люсик и Алеша, кто-то из студенток плачет у него на плече... Булжины летят в вывески «Поставщик Дворца Его Величества»... Дранные сапоги лихо отбивают чечетку на царском портрете посреди улицы... Опрокинутая будка Обмойкина... И тысячеголосый крик над площадью:

— Даешь нашу, рабочую революцию!..

* * *

Два дня шумела и праздновала Москва. С утра до вечера на улицах полно, и все одеты словно на Пасху. Ни городских, ни приставов: попрятались, затаились по углам.

Одно возмущало Пашку. Революция-то — рабочий праздник. Чего же богачи да чинуши примазываются? Ишь, как разделись, разгуливают по Серпуховке. Небось, портреты царские все ж берегут. Утром выскочил во двор за дровами, глянь — холст у забора. Подошел, повернул. Царь!

— Ага, здесь кукуешь? — подмигнул Пашка царю. — На пару с Лопушком? Ну, кукуй, кукуй! — Хотелось плюнуть, но сдержался: по закону дружины лежачих не бьют.

День, другой молчали заводские гудки. Мамкины рублевки за иконой таяли быстрее, чем снег на вешнем солнышке: все дорожало и дорожало. По вечерам у Андреевых грудился народ — судили, рядили: что дальше? Ждали вестей из Питера, замирения с немцами, но ничего такого не слышно.

«Красная» комната тоже не пустовала. Студенты, рабочая молодежь. С тревогой передавали: командующий Московским военным округом полковник Грузинов стягивает в город казачьи части, вооружает юнкерские школы. Сейчас у него больше ста тысяч штыков и сабель — не шутка!.. Значит, готовиться к боям? И Дума, и Земская управа заседают дни и ночи, но и рабочие не дрем-

лют, выбрали буржуям в противовес по заводам и фабрикам свои Советы, выбрали и Московский, михельсоновцы туда и Андреича выдвинули. Пашка ходил по улицам, гордо закинув голову, а мамка горько посмеивалась:

— Так они и послушались ваших советов, пузатые.

— Ну, мам! — возмущался Пашка. — Ведь революция!

— Мал ты, Пашенька, о большом судить! И душа у тебя детская, добрая...

Как-то в яркий солнечный день столкнулся на Серпуховке с Люсик и подружками-студентками. Люсик подозвала, представила девушкам как своего лучшего ученика. Пашка вдруг заметил, что с другого тротуара за ним наблюдает Танька-«принцесса», Ершиновы тоже разгуливали в те дни семейством.

Танька смотрела с такой злобой, что у Пашки защемило сердце: «Продаст она Лопушка теперь, продаст, подлая!»

Так и вышло. Утром он вынес псу миску объедков и услышал со второго этажа шепот:

— Покорми, покорми блохастого последний раз, студенткин любимчик! Ужо папаня велели отвести дармоеда на живодерку!

Опалевший от горя Пашка выскочил на улицу, а здесь — новая беда. Еще до того, как загремели в дверях запоры, юркие людишки пробежали по городу, расклеили по стенам и заборам белые листки. Возле сразу собрались люди: «Что такое? Чей приказ?»

— Кто грамотный? — шумели в толпе. — Давай читай! Про чего там? Не мир ли с германцем?

Пашку пропустили к забору, он прочитал вслух и раз, и другой, и третий. Приказ командующего округом о том, что в городе вводится «второе положение охраны». Всем рабочим завтра вернуться на работу по фабрикам и заводам, саботажники предаются военно-полевому суду, как изменники родины.

Рядом с Пашкой топтался солдат на костылях, его и стали тормозить.

— Э-гей, служивый! Это чего же такое: «Вторая охрана»?

— Чего?! — передразнил тот. — А так и понимай: военное или осадное. Зажать народишко в железный кулак!

И вечером на кружке Люсик объясняла: временные правители решили продолжать войну до победы.

— Как же это, Люсик-джан? — недоумевал Пашка. — Революция, царя нет, а все, как было, так и осталось?!

— Революция-то буржуйская, Павлик, а они и хотят войны. Костя Островитянов шутит: «Буржуям бублик, а рабочим — дырка от бублика, вот что такое буржуазная республика!»

После кружка Пашка рассказал Люсик о Лопухе. Шиповник спросила:

— А ты, Павлик, можешь его вывести через подвал на улицу?

— Запросто! На ночь его с цепи спускают!

— Вот и славно! — обрадовалась девушка. — Приводи сюда. Будет жить в сарае у тети Даши, караулить крупу да капусту.

* * *

И снова ревели по утрам заводские и фабричные гудки, бухали в кузнечном цехе молоты, снова маршевые эшелоны отправлялись на фронт.

И хотя заводские Советы ежедневно собирались и толковали о самом наблевшем, «двоевластие» фактически кончилось: везде и всем распоряжались богачи да те же чинуши, опиравшиеся на военную силу гарнизона.

— Да настанет ли когда наша, рабочая революция? — приставал Пашка к Люсик, провожая ее после кружка.

— Обязательно, Павлик! Уж если народ царя скинул, то с десятью министрами-капиталистами как-нибудь справится! И Советы у нас остались. «Социал-демократ» легально печатается. И это немало!

Несколько шагов прошли молча. Тихая апрельская ночь стояла над спящим городом.

— А сейчас, Павлик, открою тебе секрет, — ска-

зала, глянув по сторонам, Люсик. — Завтра уезжаю...

— Совсем? — испугался Пашка. — Навсегда?

— Нет, миленький! В Петроград на недельку. Товарищи посылают на партконференцию. Я ведь член партии с шестнадцатого! В Питере узнаю новости, увижу и услышу Ленина. Он снова в России.

— Вернетесь, расскажете о нем?

— Ну как же! А пока никому ни слова! Приеду, вместо кружка организуем молодежную ячейку в помощь партии. Но молчи! Договорились?

— Ну! Ваше слово — закон, Люсик-джан!

Из Питера Шиповник вернулась такая веселая и бодрая, какой Пашка ее никогда и не видел. Без усталости ходила по фабрикам и заводам, по рабо-

чим баракам и «спальням», рассказывала об «Апрельских тезисах» Ленина: «Война войне!», «Вся власть Советам!». И Пашка в свободное время был первым ее помощником, бегал с поручениями, относил рукописные листочки в типографию Сытина. Редактор «Социал-демократа» Иван Иванович Скворцов-Степанов и день, и ночь сидел в «красной» — к Пашке он привязался, как к собственному сынишке.

Случилась у Люсик еще радость, о которой она не уставала рассказывать: на конференции встретилась с Еленой Стасовой.

— Для меня это драгоценнейший подарок судьбы! — говорила Люсик. — Потому что Стасова — самый громкий колокол моей жизни, зовущий на борьбу за справедливость! И, представьте, старая большевичка, одна из помощниц Ильича, заплакала, увидев меня!

...Вот так и катилась жизнь, хотя, по выражению Андреича, она и без колес. А летом донесся страшный слух о расстреле в Питере мирной демонстрации, о решении Керенского арестовать Ленина и судить якобы за измену родине. И рабочая Москва снова бурлила, как перегревшийся паровой котел. Письма от Андрея перестали приходить совсем, и мамка чахла на глазах. Но ближе к осени прилетела весточка, а следом вернулся и сам Андрей.

Произошло это так. Поздно, в час ужина, в дверь Андреевых постучали. Пашка открыл. За порогом — солдат с рукой на перевязи.

— Мне бы Андреевых. Записка у меня...

— От Андрюшеньки?! — задохнулась мать.

Пашка помог раненому снять шинель, тот подошел к столу.

— Воюет наш-то?! — не вытерпел Андреич.

— Отвоевался! — буркнул солдат, усаживаясь. — В Бутырках, однако, на многие замки запертый...

— За что? — шепотом спросила побледневшая мамка.

— А не бунтуй против начальства! Против войны не агитируй! На Двинском фронте таких молодцов тысяч двадцать по каталажкам напихано, а самых дерзких сюда привезли... Ты Павел, что ли? Брат сказывал — грамотный. На вот, читай!

Сначала мамка, потом отец бережно подержали в ладонях клочок бумаги, а уж потом он попал к Пашке.

«Мамка, батя, Павлушка! Я живой и здоровый. Сидим в Бутырках, держим голодовку. Считаю — днями буду дома. Ма! Еды никакой не носи, только табачку-самосаду позлее, чтобы за душу рвал. Курева ни пылинки! До скорого! Целую всех!»

Больше на обрывке ничего и не уместилось.

— Чего голодуют-то, служивый? — спросил, закуривая, Андреич.

— «Социал-демократа» читаете? — прищурился сквозь дым солдат.

Пашка выхватил из кармана газету. Теперь по утрам заскакивал в Сытинскую, брал пачку для заводских, номерок — себе. Но день сложился так, не успел и заглянуть. Ага, вот оно!

«Жертвы Керенского — солдаты-двинцы объявили голодовку! Выставили требование: «Свобода или смерть!»

Так на следующий день, в воскресенье, Пашка снова побывал в Бутырской тюрьме. У мамки — день свободный, а Пашке отец разрешил: «Ну и не ходи! Скажу: хворый! Один пошурю! Не впервой!»

На базаре мамка, кроме табака-самосада, накупила и еды.

— Зачем, мам? — удивился Пашка. — Братка же не велел?

— Как же на свидание с пустыми руками пропустить? А тут — у начальства мысль: вдруг мать сына уговорит не бунтовать, не голодать?

— Ну, мам! — расхохотался Пашка. — Какая хитрая стала!

По-мамкиному и вышло. Сначала начальник тюрьмы кричал на нее: «Он злодей России, твой сын, бабонька!», а потом поглядел на жареную курицу, понюхал. А что, авось и впрямь клонет? И велел привести Андрюху. Но тут на столе зазвонил телефон, и тюремный туз вытянулся по струнке.

— Комендант Галкин у телефона, господин полковник. Так. Так... Слушаю! Ага! В Озерковский госпиталь, в Замоскворечье триста? Да, лежат в лежку. Четверо уже того, отголодались... Санитарные повозки позже? Будет готово, господин начальник округа! — Осторожно положив трубку, перекрестился. — Ух ты, гора с плеч!

И тут же велел мамку и Пашку вывести вон. Мамка обнимала женщин в толпе и плакала: «Всех в госпитали, миленькие, всех! Лечить, стало быть, станут».

А сердце материнское уже чувало близкую встречу — готовить праздничный стол! И не ошибалась!

Часу в десятом вечера с улицы донесся Анюткин вопль:

— Андрюшенька! Миленький мой!

И на пороге — Андрей! Худющий, как оглобля, но веселый, и глаза блестят, играют.

— Вот и я, мам! Говорил же: вернусь! — Отстранил обхвативших его Анютку и Пашку и сквозь толпу расступившихся гостей шагнул к матери, с силой прижал к груди. — Здравствуй, родненькая! — Обнял отца и повернулся к двери. — Прошу любить — мой фронтовой побратим, а полностью: член полкового партийного комитета, унтер трехсот третьего Сененского полка Евгений Николаич Сапунов!

Сапунов прошел в комнату, поклонился старикам Андреевым, потом остальным. Андрей тем временем бережно жал тоненькие руки Люсик, тискал плечи кузнецам и соседям.

Усадили солдат во главу стола, Пашка притулился рядом с Шиповником и не сводил глаз с брата. Вернулся братка, живой!

Говорили о войне, сначала рассказывал Андрей. В его голосе звучала какая-то новая, незнакомая раньше сила.

— Одно то, — сверкал глазами Андрей, — что нас, почти тысячу солдат-«политиков», временные перевели из Бутырок в госпитали, показывает их слабость! В «Окопной правде» не раз писалось, что солдат голосует за мир ногами, то есть уходит с фронта. И не из трусости, нет! Просто краешек правды ему просветился. Царя нет, Советы...

— Обожди-ка, сын! — вмешался Андреич. — Ну да, выбрали мы Советы, в Московский по делегату от каждых пятисот рабочих послали. Шумим там, галдим, а толку-то что?! Как все шло, так и идет! Батрачим на войну, даже восьмичасовой не выьем! Это дело?

— Дозвольте слово! — попросил, вставая, Сапунов. Был он высок и строен, острые усики подрагивали на худом лице. «Ишь, успели-таки побриться», — подметил Пашка. — Я для вас человек новый...

— Давай, Евгений Николаич! — подбодрил Андреич.

— Для начала о себе скажу, чтобы вера у вас ко мне была. Я из калужских крестьян. Ни земли, ни лошаденки, на богатеев хребет гнул. Детишек четверо, мал мала меньше. — Зорким взглядом окинул застолье. — Сколько веков рабский строй укреплялся на Руси, а? Не счесть сразу-то! И разве такую глыбину в одночасье повалить? Ведь каждый в своем закуте таился, за нищий ломоть держался. А война, как ее ни кляни, народ со всей страны в кучу сгребла, одним огнем крестила, одной кровью мазала. А на фронте и «Окопная правда», и «Солдатская» уму-разуму учат! Невольная думка в измученный мозг стучит: да кому же мировая бойня нужна?!

— Под корень служивый берет! — подал кто-то голос.

— Так что же выходит? — возвысил голос Сапунов. — Вот Андреич насчет безвластия Совета рабочих выразился. А ведь это неправильно, дорогие! Потому что Московский Совет нас из неволи бутырской вызволил, от трибунала спас! А нас — тысяча человек, сила! Чуток оправимся в госпиталих, и, считай, Андреич, все в помощь Совету!

— С пустыми-то руками? — усмехнулся Дунаев. — У Рябцева под началом, сказывают, до ста тысяч штыков и сабель. А у вас?

— Все подковырки, дядя Гордей?! — засмеялся Андрей. — Но как загорится, вместе с нами в огонь бросишься! — И, посерьезнев, продолжал: — Нет, с голыми руками врагов не одолеть! Ленин учит: восстание неизбежно! А оружие... Так в Кремлевском Арсенале его на две-три революции хватит. В охране там полк, где большевиков хватит! И командует тоже наш, Берзин! В Бутырках и оттуда сидят, знаем!

— Оружие! — вмешался стрелочник Козликов. — Пошарить по запасным путям на вокзалах — не один десяток вагонов зеленого огня ждет!

— Вот и оружие! — кивнул Сапунов. — Только суметь взять!

Пашка с восторгом поглядывал на всех. Но его поразило печальное лицо сидевшей рядом Люсик. Спросил шепотом:

— А вы что невеселая, Люсик-джан? Ишь, как здорово...

— За Ленина страшно! — тоже шепотом ответила девушка. — Временные целыми отрядами рыскают по Питеру, ищут, убить хотят!

— Так разве рабочие да матросы дадут Ленина в обиду?!

— На то и надежда, милый!

Разговор у Андреевых затянулся за полночь. Последними уходили Люсик с Алешей, а за ними — Сапунов. Прощаясь, Люсик похвалилась:

— Хорошо пошло у нас с заводской ячейкой, Андрюша! Одна беда: после Питерского расстрела хозяйские псы снова силу почуяли. Выживает управляющий наш кружок-ячейку из завкома.

— Потерпите чуток, Люсенька! Поправится народ, мы и в завком подкинем. И сам завтра же приду. Прижмем гниду!

А мамка разговаривалась с Сапуновым.

— Выходит, мы с вами, Еня, по родине соседи. Что Брянцина, что Калуга...

— Ага, — кивнул Сапунов и нахмурился. — Как то мои там? Как призывали в четырнадцатом, так и не видел... Полагалось бы в отпуск, а я — то на губе, то в тюрьме...

— Теперь-то свидитесь, — утешала мамка. — Поедете?

— Навряд ли скоро! — Худое лицо Сапунова напряглось. — Восстание вооруженное готовить и поднимать... Как в такую пору фронтовых побратимов бросишь?

— Неужто не поедете? — всплеснула мамка руками.

— Кто знает! — Сапунов расстегнул кармашек гимнастерки, достал сложенный треугольником листок. — Вот, в двинской каталажке написал. Всякое ведь может случиться...

— Письмо, что ль? — спросила мать и оглянулась на прильнувшего к Андрею Пашку. — А ну, сынонька, прочитай... Можно, Еня?

— Почему нельзя? — пожал тот плечами. — Только поистерлось малость в кармане. То табак рядом, то хлебушка кусок.

И Пашка прочитал вслух письмо Сапунова:

«Все может быть, дорогие мои родные, но что делать. Если погибну, то помните, дети, что отец ваш весь свой век боролся за бедных и погиб, добывая им свободу, землю и волю...»

— Убьют, добрая душа найдет, отошлет семье. Пусть и с того света, а все весточка! Ты, Андрей, проводи меня. Не москвич, заплутаюсь... Вам, мамаша, спасибо за ласку!

Пашка пошел с ними. Дорогой солдаты обсуждали, что делать. Пашка шагал молча и думал пушкинскими словами: «Вот они, витязи!»

Перед сном, уже в постели, спросил:

— Где, братка, наша революция начнется? В Москве, Питере иль, может, на фронте? В окопе у каждого — ружье!

— Считаю, в Питере, Павел. Время везде динамитное, но там засели главные временные. А гадюку надо не за хвост, за голову хватать! Да и Ленин поближе, хоть и скрытый. Начальник Петроградского округа Половцев, гад, особые отряды создал: где Ильича найдут, тут и убить приказано. Конечно, его любой рабочий грудью заслонит, но без осторожности нельзя... Будем оттуда сигнала ждать. Нужно готовыми быть, иначе перебьют поодиночке.

На завтра в госпитале «двинцы» сочинили послание:

«...Солдаты двинского фронта Пятой армии, освобожденные из Бутырской тюрьмы, приветствуют Московский Совет. Узнали, что хотят направить нас в распоряжение этапного коменданта Витебска и опять, вероятно, посадят в тюрьмы или разгонят по разным частям, где офицеры заду-

шит нашу революционную силу. А потому, ввиду истощения от голодовки и долгого пребывания в заключении, просим депутатов хлопотать перед военным Округом об оставлении при Московском гарнизоне на три месяца».

С этой петицией Андрей и Сапунов отправились в Совет, к Варенцовой и Ярославскому, навещавших «двинцев» и в Бутырьках. Разговор получился дружеский, душевный и очень серьезный — о неизбежности восстания.

А Пашка, возвращаясь со смены, столкнулся у дома с «принцессой» Танькой. Хотел пройти мимо, но она остановила:

— Пашка!.. Я сейчас Лопуха во дворе столовой видела. К забору подошла, он подбежал. Конфету съел и руку лизнул.

— Врешь! — вскинулся Пашка. — За что руку твою подлую лизать? На живодерку норовила отправить!

Танька вздохнула с укором.

— Думала, умный, а ты глупый! Я на тебя злилась, поэтому...

Вот и пойми их, девчонок!

Поужинав, Андрей, как и обещал, отправился с братишкой в контору завода, где завком занимал две комнаты, в одной и собиралась ячейка Люсик. Там-то и столкнулся со старшим сыном Ершинова, заместителем заведующего.

— Эге! — хохотнул Андрей. — Вот где купеческие сынки от фронта прячутся! Что ж! Сообщим куда полагается!

Ершинова будто ветром из комнаты вымело, и больше на кружке не показывался. Сам Андрей устраиваться на завод не мог, мешала справка: «Рядовой Андрей Андреев находится на излечении в Озерковском госпитале, приписан к Московскому гарнизону». Так что Пашкин заработок в семейном кармане был необходим и манкировать работой не приходилось.

Вечерами квартира Андреевых превращалась в клуб: заводские, соседи, однополчане Андрея. Прибегала Анютка, шептала в уголке:

— Сколько же ждать, Андрюша?! У меня, глянь, морщинки!

— Не время, Нюша, о свадьбе думать! — ласково, но твердо успокаивал Андрей. — Слышала, что я нынче в газете читал?

А читал он статью из «Социал-демократа»: «Время слов миновало, необходимо революционное дело, и наша партия готовит массы к вооруженному восстанию, завоеванию власти!»

Приходил Сапунов, мамка привязалась к нему, как к родному. Жалела, что не может он повидать семью: «На чугунке-то вовсе недалеко!» Пашка любил такие шумные вечера. Любил еще ходить с Люсик на митинги. Девушка рассказывала о конференциях, о Ленине. Митинги запомнились яростными схватками с меньшевиками и эсерами-оборонцами, кричавшими, что Россия не должна с позором выходить из войны, ей необходима победа!

Как-то в конце октября Андрей не явился на ночь домой, и мамка страшно беспокоилась: что стряслось? А Пашка, наслушавшись на митингах речей о неизбежности восстания, думал: а может, начинается? И утром, не дождавшись брата, помычался в типографию. Нетерпеливо схватил пачку газет.

Ну, конечно! Телеграмма из Питера: «Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Сейчас в пять часов открывается Съезд Советов. Войска на стороне ВРК. Ногин».

Пашка летел домой, как на крыльях, словно чуял, что Андрей вернулся. И не ошибся.

— Потому и не мог прийти, мамушка! — махал Андрей газетным листом. — Как прибежали из Совета с новостью — дел по темечко! Мы, «двинцы», для Московского Совета — первая опора! ВРК выбирали! У нас крови не миновать, не отдадут власти без боя ни Дума, ни Земство, ни Грузинов с казаками да юнкерами. Опять же оружие добывать по вокзалам отряды посланы! Хорошая будет драчка, маманечка наша!

— Поосторожней, сынок! Про меня помни!

— Не думай о худом, мам! — И Андрей ушел.

Как умел, Андреич успокоил жену, оглядел сынишку и Витьку.

— Ну, я в Совет. А вы бежали бы к Люсеньке, ребята. Авось, пособите в чем.

Но, услышав на улице, что на заводе раздают привезенное с вокзала оружие, мальчишки кинулись туда. Винтовок им, однако, не дали: не хватило и взрослых. И Люсик в столовой они не застали.

— Всю ночь шумели, — сказала повариха, — теперь на Калужской площади ищите! Ресторан Полякова пошли под военный комитет занимать. Война-то и сюда докатилась!

На площади — тьма народа! Тут и «двинцы», и вооруженные михельсоновцы. Иные с охотничьими ружьями, а кто просто — с дубьем. У крыльца кто-то прибывал к жердине красное полотнище: «Вся власть Советам!»

На второй этаж, где заседал ВРК Замоскворечья, солдат с винтовкой никого не пускал:

— Посторонним не велено!

Дружина потолкалась возле крыльца. Грозно гудела толпа. Кричали, что юнкера окружили Кремль, в Манеже их тысячи.

— Эх, Шиповника нет! — вздохнул Пашка. — Сказала бы, что делать!

Покрывая гомон, затарахтел мотор. Люди расступились. Самокатчик-мотоциклист в кожаной куртке вскочил на крыльцо.

— Не иначе, новости, — гудели в толпе. — Должно, приказ!

Через минуту распахнулось окно второго этажа, на подоконнике встал чернобородый, замахал руками.

— Товарищи! Министры-капиталисты в Петропавловской крепости! Даешь мировую революцию! Ура!!!

— Ура-а-а! — Пашке казалось, что он кричит громче всех.

— Но, товарищи! — продолжал чернобородый. — Разгромлен Совет в Калуге! Убито много наших! И здесь враг не сложил оружия! Приказ Московского ВРК — возводить баррикады! Особо вокруг Главного штаба на Пречистенке, где засели Рябцевы и Грузиновы! Все, кто в силах держать лом или лопату, на строительство баррикад, которыми во все века защищала себя революция!!!

— Веди! — Площадь колыхнулась, словно одно огромное напряженное тело. — Куда? Веди! Даешь пролетарскую! Даешь мировую!!!

Тут Пашка и увидел Люсик. Выбежала на крыльцо с пылающими глазами и щеками, черные косы растрепаны по плечам.

— Шиповник! Люсик-джан!

— Павлик! Миленький! И ты здесь?!

— А где же мне быть?! Вы куда, джаник?

— Кафе «Франция» занимаем под госпиталь! Нужно белье, подушки! Нужна помощь женщин! Майрик не здесь?!

Площадь кипела. «Двинцы» и матросы форми-

ровали отряды и уводили к Москве-реке. Дребезжали по бульвару колеса пулеметов.

А мальчишки всегда мальчишки: кто из них не мечтал о море? Потому Пашкина дружина и сгрудилась около моряка, на бескозырке которого блестящие золотые буквы «Орел». Никто не знал его имени. «Орел велел!», «Орел приказал!» — раздавалось кругом.

Отряду поручалось возвести баррикаду на Остоженке, помешать прорыву юнкерских и казачьих частей в Замоскворечье. И через полчаса работа кипела. Грохались со стен вывески, опрокидывались фонарные столбы, катились пивные бочки и телеги.

Одним концом баррикада упиралась в «Чайную Бахтина». Когда принялись сдирать вывеску, вышел хозяин.

— Не рушь заведение, матросик! Глядишь, чаюком напою! Ишь, раздождилось! Да и холод!

— Да это Гришуха Бахтин! — крикнули с баррикады. — Наш! Руку шестерней оторвало! Пособие с Михельсона выбил!

— Ладно! — Матрос хлопнул Бахтина по плечу. — Оставим, братишка, твою баржу! А кипяток, похоже, и согдится!

— На дармовщинку угостит! Душа-то рабочая жива в нем!

Двухметровую баррикаду возвели за полчаса.

— Эх, еще бы флажок красный! — мечтательно улынулся Орел.

Пашка бросился к ближней двери, постучал. Открыли.

— У меня взять нечего, воители! Милостыней живу. — Глаза из сетки морщин смотрели, будто из далекого далека. — И детишек в колесницу войны запрягли, совести нету!

— Нам, бабуля, лоскуточек бы красненький! Не сыщешь ли?

